

Глава 16

В зале воцарилась тишина.

Затем, спустя некоторое время, в чате начался переполох.

[Кем он себя возомнил?! У плагиатора хватает наглости бросать вызов наставнику?!]

[Мы можем уже выгнать этого парня? Из-за злости к нему я не могу сосредоточиться на других!]

[Ха-ха, по-моему, это идеально! Либо неблагодарный ассистент украл песни, либо босс уволил его! Давайте посмотрим, что из этого выйдет!]

[Доказательство налицо, а что ещё нужно доказывать?! Кто знает, какие тёмные дела здесь творятся?]

[О, конкурс ещё даже не начался, а мы уже называем его несправедливым? Или, может быть, вы просто переживаете, что ваш кумир не сможет победить даже обычного участника?]

Соревнования между участниками ещё не начались, а Интернет уже гудел.

Цзян Мо сидел в своём кресле, чувствуя, как вспотели его ладони.

Все взгляды были устремлены на него.

Он знал, что отказаться от вызова было невозможно.

Поэтому он попытался подавить своё негодование, приняв непринуждённый вид, и сказал: «Это очень неожиданно, но, если Мэн Юаньшэн предложил это, я полагаю, он уже хорошо подготовился. Я принимаю вызов».

То есть он сказал, что Мэн Юаньшэн пришёл уже подготовленным, в то время как у самого Цзян Мо не было такой возможности. Значит такой вызов могут посчитать несправедливым.

Люди на сцене начали шептаться между собой.

В конце концов, как может импровизированное выступление конкурировать с чем-то, что было тщательно подготовлено?

Довольно много людей были потрясены словами Цзян Мо и кричали, что вызов был несправедливым.

Неожиданно Мэн Юаньшэн покачал головой и сказал: «Поскольку именно я предлагаю этот вызов, будет справедливо, если тему выберете вы, наставник Цзян».

Цзян Мо замер, едва веря своим ушам.

Все были в шоке.

Что это был за вызов?

Он что, просто отдал победу Цзян Мо?

Цзян Мо недоверчиво посмотрел на него, но выражение лица Мэн Юаньшэна оставалось спокойным, не выдавая его намерений.

Эта сторона Мэн Юаньшэна казалась Цзян Мо совершенно незнакомой.

Что, чёрт возьми, он пытался сделать?!

Такой же вопрос задал Инь Хэфэн Гу Синши во время всего этого переполоха.

«Мистер Гу, я понимаю, что вы хотите развеять слухи о плагиате Мэн Юаньшэна, но не слишком ли это рискованно?»

«Почему вы так считаете?» – с любопытством спросил Гу Синши.

Инь Хэфэн ответил: «Разве это не очевидно? Если Цзян Мо сам может выбрать тему, значит он выберет что-то, над чем уже работал. Или это уловка, чтобы заставить Цзян Мо отступить?»

Гу Синши с улыбкой покачал головой и сказал: «Я думаю, что он не выберет тему!»

Инь Хэфэн: «?»

Гу Синши похлопал его по плечу с понимающим видом и успокоил его: «Расслабься, брат Инь. Настоящее шоу только начинается».

Все взгляды были прикованы к Цзян Мо.

И всё же Цзян Мо колебался.

Он знал, что самым разумным выходом было бы, чтобы он попросил у кого-нибудь другого выбрать тему.

Но он не мог.

Этот вызов был для него таким же важным, как и для Мэн Юаньшэна.

Цзян Мо сделал себе имя как композитор, но насколько большим талантом он обладал на самом деле, знал только он сам.

Оплошность на публике могла разрушить его карьеру.

Самостоятельный выбор темы мог бы вызвать некоторую критику, но он мог бы выбрать свою собственную неопубликованную песню — более безопасный выбор.

Кроме того, даже после стольких лет, проведённых с Мэн Юаньшэном, он знал только, что Мэн Юаньшэн умеет писать тексты. Он никогда на самом деле не видел, как тот пишет музыку.

Если бы Мэн Юаньшэн написал какую-нибудь бессвязную чушь, его бы только высмеяли, и вопрос о выборе темы отпал бы сам собой.

Имея это в виду, Цзян Мо сказал: «Хорошо, давайте возьмём что-нибудь простое. Мы в городе Дунхай, так что давайте выберем тему «Море»».

Шёпот в толпе стал громче.

Но Цзян Мо притворился, что не слышит его, и продолжил: «Десять минут на создание музыки. Хватит, Мэн Юаньшэн?»

Мэн Юаньшэн решительно кивнул и ответил: «Отлично. Чтобы было интереснее, давайте напишем ещё и текст песни».

Лицо Цзян Мо напряглось.

Что ж, это только подтвердило, что Мэн Юаньшэн действительно не умел петь. Вероятно, он полагался на свои навыки создания текстов, чтобы сохранить лицо.

К счастью, Цзян Мо был подготовлен. Он выбрал песню, для которой Мэн Юаньшэн раньше написал текст.

Его разум успокоился, и он почувствовал себя ещё увереннее.

Они разошлись по разные стороны сцены, и их сопровождали камеры, чтобы запечатлеть творческий процесс для публики.

Это был первый раз, когда зрители увидели, как создаются шедевры вживую, и они были в восторге.

Цзян Мо демонстративно перебирал гитарные струны и что-то писал на бумаге, в то время как Мэн Юаньшэн, напротив, просто стоял с закрытыми глазами, словно погруженный в свои мысли.

[Неужели Мэн Юаньшэн просто сдастся?]

[Я действительно думала, что он просто разыграл шоу! И он оправдал мои ожидания!]

[Может быть, он просто думает? В конце концов, не он выбирал тему. Если бы он начал писать сразу, это было бы ещё более странно, не так ли?]

Через несколько минут Мэн Юаньшэн открыл глаза.

Лёгким росчерком пера ноты плавно легли на страницу. Когда он закончил с музыкой, он остановился всего на мгновение, прежде чем приступить к тексту.

К тому времени, когда он написал последнюю строчку, отведённое ему время как раз закончилось.

Они вернулись на середину сцены.

Зрители заёрзали на своих местах.

Ведущий сразу перешёл к делу и спросил, кто будет петь первым.

Мэн Юаньшэн сказал: «Я позволю наставнику Цзян Мо выступить первым».

Цзян Мо к этому времени убедил себя, что Мэн Юаньшэн не умеет сочинять музыку, поэтому он с полной уверенностью взял в руки гитару и спел.

Это была горько-сладкая песня о любви.

Мелодия была нежной, а текст – живым. Песня вызвала в воображении образ молодой пары, поссорившейся на пляже, но помирившейся на ветру.

Шэнь Юй из жюри слегка кивнул.

Песня была достойной, не звёздной, но текст, как обычно, был трогательным.

Мэн Юаньшэн, однако, оставался невозмутимым.

Он вспомнил, что когда-то сам писал эту песню.

Долгие годы он был сценаристом-призраком Цзян Мо, по глупости думая, что это из-за любви.

К счастью, он больше никогда не совершит подобной ошибки.

Он закрыл глаза, изгоняя последние следы нежности из своего сердца.

Когда он снова открыл их, то почувствовал, как сцена вокруг него расширилась, а мир внезапно преобразился у него на глазах.

Ведущий сказал ему петь, и Мэн Юаньшэн спокойно ответил: «Я не так давно начал учиться играть на инструментах, поэтому моя игра немного грубовата. Не мог бы кто-нибудь из наставников помочь сыграть для меня?»

[Он нормальный? Он может писать песни, но не умеет играть на инструментах?]

[Что в этом такого? Таких певцов много! И, кроме того, он не говорил, что не умеет играть, просто сказал, что он новичок. Зачем сразу наезжать на него?]

[Я всё ещё не уверен. Возможно, он просто написал что-то настолько ужасное, что стесняется исполнить это сам!]

Когда толпа зашумела, Шэнь Юй поднял руку и сказал: «Я могу сыграть для вас».

Все были ошеломлены.

Но Шэнь Юй уже пробился на сцену.

Он успел ознакомиться со слухами в Интернете.

Плагиат был самой большой головной болью Шэнь Юя.

Когда Цзян Мо узнал, что у Шэнь Юя и Гу Синши хорошие отношения, он даже предупредил Шэнь Юя и сказал, что Гу Синши слишком доверчив и что Мэн Юаньшэн, возможно, обманул его, чтобы поучаствовать в [Тренировочном Лагере для Мужчин].

Поэтому Шэнь Юй подсознательно дистанцировался от Мэн Юаньшэна.

Но, увидев сегодняшнее выступление Мэн Юаньшэна, Шэнь Юй почувствовал, что его мнение о нём изменилось.

Кроме того, ему было любопытно узнать об этом якобы «музыкально безграмотном» и «закоренелом плагиаторе», которого описал Цзян Мо. Как бы на самом деле звучала его песня?

Мэн Юаньшэн передал ноты Шэнь Юю.

Когда Шэнь Юй прочитал текст, его глаза расширились от шока. Он бросил многозначительный взгляд на Мэн Юаньшэна, а затем полностью погрузился в слова, пока напоминание ведущего не вернуло его к реальности.

Вместо того, чтобы начать сразу, Шэнь Юй жестом попросил ассистента принести ему его собственную гитару.

Его поклонники в зале немедленно зашевелились.

Бай Жань тоже посмотрела на Мэн Юаньшэна с недоумением.

Стоявшая рядом фанатка спросила: «Сестра, почему все так взволнованы только потому, что Шэнь Юй попросил принести свою гитару?»

Бай Жань поджала губы и ответила: «Брат Шэнь относится к этой гитаре как к своей «жене». Если песня является украденной или некачественной, он никогда не будет использовать свою гитару для исполнения».

Бай Жань тоже прочитала слухи в Интернете.

Она не ожидала, что сделанные ею фотографии Мэн Юаньшэна позже вызовут такой резонанс.

Когда всплыли обвинения в плагиате, она сначала рассматривала возможность удаления этих фотографий.

Но она не смогла заставить себя сделать это. Фотографии получились слишком хорошими.

Теперь она поняла, что ей и не придётся их удалять.

Многие люди знали об этом правиле Шэнь Юя.

Интернет, который было успокоился, теперь снова взорвался восторгом.

[Эта песня действительно настолько хороша? Достаточно хороша, чтобы брат Шэнь нарушил своё правило и использовал для её исполнения свою «жену»?]

[Почему это он нарушил своё правило? Возможно, Мэн Юаньшэн вообще никогда не занимался плагиатом.]

[Я что, единственный, кто заметил, что Цзян Мо, предположительно близкий друг Шэнь Юя, так и не добился, чтобы Шэнь Юй использовал свою «жену» для исполнения его песен? Но первая песня Мэн Юаньшэна удостоилась этой чести. Тсс, тсс...]

[Пусть это останется в памяти...]

На сцене.

Цзян Мо изо всех сил старался сохранить самообладание, впиваясь ногтями в ладони, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица.

Тем временем Шэнь Юй обсуждал текст песни с Мэн Юаньшэном, как будто они не замечали никого вокруг, иногда даже удивлённо улыбаясь. Любопытство публики было почти

невыносимым.

Наконец ассистент вернулся с гитарой.

Настроив её, Шэнь Юй кивнул Мэн Юаньшэну.

Зазвучало вступление, и в зале быстро воцарилась тишина.

Это была рок-песня.

Лирика была искренней и мощной, рассказывая историю о человеке, которого отчаяние утащило в глубины океана, о том, как он яростно боролся за выживание, преодолевая гнев и неповиновение.

С первых же нот песня захватила сердца всех слушателей.

Чистый голос Мэна Юаньшэна не содержал никаких фальшивых нот, и он вкладывал душу в своё пение.

Он подумал о тех днях и ночах, когда Цзян Мо манипулировал им под видом любви.

Он подумал о себе, как о крысе в сточной канаве, с завистью смотрящей на обожаемых артистов на сцене.

И он подумал о руке, которая однажды ночью вытащила его из этой тьмы.

Он подумал о Гу Синши, человеке, который дал ему лучший контракт, лучшие возможности, который всегда твёрдо поддерживал его, непоколебимый в своей вере.

Отчаяние рассеялось.

Солнечный свет падал на море.

Когда песня закончилась, зрители всё ещё были погружены в музыку, не желая расставаться с моментом.

Бай Жань вытерла слёзы с лица, а затем подняла фотоаппарат и принялась фотографировать Мэн Юаньшэна на сцене.

У неё было такое чувство, что сейчас взошла новая звезда.

Мэн Юаньшэн отложил микрофон и повернулся, чтобы посмотреть на Цзян Мо, выражение лица которого стало кислым.

В глазах Мэн Юаньшэна больше не было ни колебаний, ни неуверенности в себе, ни страха.

Он возродился из пепла, как феникс.

Своим взглядом он сказал Цзян Мо: «Я выиграю!»

И я выиграю красиво!

Я развею всю клевету против меня и швырну её тебе в лицо!

<http://bllate.org/book/14421/1274746>